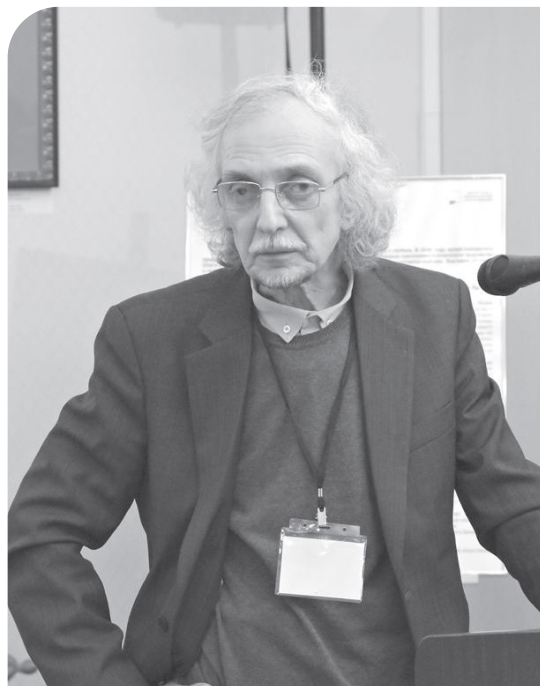

Кораблев А. А.

Манифестация
«гоголевского
направления» в поэме
«Мертвые души»:
восточники и западники

Пушкинский сюжет, позволивший Гоголю проездиться со своим героем по России и даже взлететь над пошлой действительностью, на новом участке пути, более трудном, поскольку теперь требовалось поддерживать движение на взлёте, нуждался в каком-нибудь дополнительном оснащении. Интрига, которая инспирировала читательский интерес на протяжении первого тома, по мере её раскрытия утрачивала свою движущую силу, а ведь впереди, как анонсировал повествователь, ещё две трети пути.

Сомнения, выдержит ли анекдот о мёртвых душах возложенную на него смысловую нагрузку, возникали у Гоголя, возможно, уже в самом начале повествования – не зря же об этом толкуют два «русских мужика», обсуждая колесо чичиковской брички: доедет или не доедет оно до определённой цели? Не доехало.

В последней главе первого тома закономерно возникает тема ремонта: кучер заявляет, что бричка «и двух станций не сделает», если не перетянуть шину на колесе [VI: 216]. Требовалась, иначе говоря, модернизация сюжета, и вскоре читателю сообщается, что «колесо было обтянуто новою шиною» [VI: 281]. А если автор так настоятельно обращает на это колесо читательское внимание, то, наверное, стоит поразмыслить, в чём заключалось произведённое при конце первого тома «перетягивание шины»?

Мы не знаем достоверно, что именно передал Пушкин Гоголю, но по аналогии с сюжетом «Ревизора» и судя по тому, как приводится в движение художественное действие поэмы, можно заключить, что, как и в пьесе, этот механизм обозначен в названии, и так же, как и в пьесе, он не сводится к внешним событиям. Чтобы обозначить внутренний вектор пьесы, Гоголю пришлось писать «Развязку Ревизора»; чтобы обозначить внутренний вектор поэмы, он пишет «Выбранные места из переписки с друзьями». Читателю должно быть ясно, что

«мертвые души», которые скупает Чичиков, это не только бюрократический казус, это состояние русского общества, не исключая и самых выдающихся его представителей.

Пушкинский сюжет, таким образом, оказывается сюжетом и о пушкинском направлении в русской литературе, о котором в «Выбранных местах» после обстоятельного и патетического обзора Гоголь делает неожиданное заключение, ради которого, видимо, этот обзор и был произведён:

<...> нельзя повторять Пушкина. Нет, не Пушкин и никто другой должен стать теперь в образец нам: другие уже времена пришли [VIII: 407].

Если вдруг у читателя возникнут вопросы, почему же нельзя повторять Пушкина и кто приходит вместо него, то на них Гоголь отвечает в своей поэме: на первый вопрос – в первом томе, на второй – во втором. По-видимому, в этом и заключалась модернизация сюжета: колесо прежнее, но на нём новая шина – новое направление, гоголевское.

Взлетающая тройка – это и в буквальном смысле новая направленность, энергия подъёма, ускорения, преобразования, ожидаемая от всех слоёв и словесий, но прежде всего от духовных водителей, так называемых «властителей умов».

Петух и сыновья. Выполняя поручение генерала Бетрищева, Чичиков направляется к помещику Кошкарёву, однако по ошибке встречается с помещиком по фамилии Петух, уверяющим его, что это «не ошибка» [VII: 49]. Разумеется, не ошибка. Но почему это не ошибка – в этом нужно разобраться.

Знакомство с Петром Петровичем Петухом происходит во время рыбной ловли, которой он предаётся с удовольствием и азартом и которая, по-видимому, тоже исполнена не только живописного, но и определяющего значения. Последовавшая за ней обильная трапеза, а главное – процедура приготовления к ней, когда хозяин проявляет себя знатоком кулинарного искусства, дополняет портрет персонажа и делает его узнаваемым. Весьма вероятно, что это С. Т. Аксаков (1791–1859) – известный русский писатель, чиновник и один из идеологов славянофильства, автор книг *о рыбалке* («Записки об уженье рыбы», 1847), а затем и *о птицах* («Записки ружейного охотника Оренбургской губернии», 1852), имевших немалый литературный успех. К такому же предположению пришёл и И. А. Виноградов [2007: 106–107], обнаружив в записных книжках и письмах Гоголя немало переключек с книгами и личностью С. Т. Аксакова и одновременно с чертами гоголевского персонажа.

Два сына Петра Петровича Петуха – Алексаша и Николаша, которые мечтают о столице и столичных увеселениях, – это соответственно сыновья Сергея Тимофеевича, тоже видные литераторы – К. С. Аксаков (1817–1860) и И. С. Аксаков (1823–1886).

Кошкарёв и его гений. После гостеприимного помещика Петуха Чичиков направляется к его соседу полковнику Кошкарёву, о котором сказано:

По виду он был предобрейший, преобходительный человек <...> [VII: 63].

Прежде чем искать по этим приметам вероятного прототипа, нельзя не обратить внимания на фабульно-композиционную подсказку, предваряющую представление этого персонажа. Чичиков обозначился, приняв Петуха за Кошкарёва, хотя, казалось бы, спутать эти типажи невозможно, настолько они противоположны. Простое соображение, что если Петух – представитель славянофиль-

ского лагеря, то его сосед, которого он замещает в общении с Чичиковым, это его идеологический антипод – кто-нибудь из представителей противоположного лагеря, выразитель идеологии западничества. Судя по фамилии, Кошкарёв – это Огарёв.

Знакомство Гоголя с Н. П. Огарёвым (1813–1877) было скорее формальным, нежели содержательным, судя по отсутствию сколько-нибудь внятных воспоминаний. А если учесть, что взаимный интерес всё же был и не праздный (у одного – к своему потенциальному персонажу, у другого – к своему потенциальному соратнику), то возникает вопрос о причине их несближения, и лучший ответ на него даёт описанный в поэме визит Чичикова к Кошкарёву. Вот самое первое впечатление:

Полковника он застал за пульпитром стоячей конторки, с пером в зубах [VII: 62].

Пульпитр (пюпитр) – музыкальный атрибут, а *конторка* ассоциируется с «конторой» – чем-то рабочим, служебным. Таков был и Огарёв: композитор, которому приходилось служить в архиве государственной коллегии, а затем в губернской канцелярии. Автор семи вальсов, четырнадцати романсов, мазурки, прелюдии – достаточно, чтобы отметить эту деятельность как характерную и опознаваемую?

Перо – понятный поэтический символ, но *в зубах*? Что-то невдохновенное, дилетантское видится в этой подробности. По-видимому, именно таким было отношение Гоголя к стихам Огарёва, если они не удостоились попасть в его обзор русской поэзии [VIII: 369–409]. В таком случае, он совпадает с мнением С. П. Шевырёва, считавшего такие стихи однодневками, «которые как ежемесячные Эфемериды рождаются и умирают в журналах в первый день появления книжек»¹, и расходится с оценкой Белинского, называвшего их прелестными² и прекрасными³.

Встретив гостя, Кошкарёв тут же начинает говорить ему о своей, по-видимому, определяющей идее – о пользе народного просвещения, ссылаясь на пример Германии:

<...> в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано <...> [VII: 63].

Германия упомянута здесь, должно быть, оттого, что для России 1840-х она была основным источником и поставщиком передовых идей – от просветительских до революционных. Чрезвычайно значима германская культура и лично для Огарёва: он слушал лекции в Берлинском университете, переводил на русский язык Ф. Шлегеля и своего особо любимого Гейне.

Дочь мельника – в контексте выявляемых значений – вызывает в памяти популярную фортепианную композицию Ф. Шуберта «Прекрасная мельничиха» («Die schöne Müllerin», 1823) – вокальный цикл из двадцати песен, своего рода музыкальную поэму пути, с символикой быстротечности и круговерти, напоминающей течение и пороги гоголевской поэмы, но также отчасти и жизненный

¹ Шевырёв С. Полная Русская Хрестоматия, или Образцы Красноречия и Поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Составил А. Галахов... // Москвитянин. 1843. № 6. С. 514.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1956. Т. XI. С. 565.

³ Там же. Т. VII. С. 628.

сюжет Огарёва: романтическая целеустремлённость в начале и депрессивное распутье в конце, когда высокая любовь и высокая дружба замкнули его в мучительный треугольник. Конечно, о том, как закончится жизнь Огарёва, Гоголь не мог знать, но он знал, чем заканчиваются романтические иллюзии, в том числе и на собственном опыте. Музыка Шуберта слышится здесь ещё и потому, что Огарёв перевёл на русский язык его знаменитую «Серенаду» («Ständchen», 1828).

Англия тоже упомянута в описании Кошкарёва и по той же причине – как «пример» [VII: 64]. Примером она была и для Огарёва – и в литературе (он переводил Байрона и Шекспира), и в плане государственного устройства (недаром же он переезжает жить в Англию, где впоследствии женится на англичанке и закончит свой жизненный путь).

Если всё-таки допустить, пусть предварительно, с недоверием, с оговорками, что карикатурный полковник Кошкарёв, решительный просветитель и европеец, – это поэт-революционер Огарёв, тогда рядом с ним должен быть его знаменитый друг, потому что в русском общественном сознании их имена соединены неразлучно, и Гоголь, рассказывая об одном, конечно, не мог не упомянуть и другого. Смотрим, кто там рядом с Кошкарёвым? Некий *гений*. Фамилия не названа. Может быть, ещё и потому, что она созвучна этой характеристике: **гений – Герцен**.

Да, А. И. Герцен (1812–1870), кто же ещё? Их юношеская дружба, скреплённая клятвой на Воробьёвых горах и выдержавшая испытания временем, странством и даже любовью, вошла в русский мифологемный канон, а значит, могла войти и в поэму, воспроизводящую этот канон.

Общественное значение дружбы Герцена и Огарёва усиливалось их совместной просветительской деятельностью, о которой Гоголь мог судить по её начальной стадии. Учась в Московском университете, друзья образовали в 1831 году тайный политический кружок, просуществовавший до 1834 года, когда власти выявили и пресекли их собрания. Все 11 участников были арестованы и высланы из Москвы.

Почему хозяином именина изображён именно Кошкарёв? Очевидно, потому, что хозяином именина, и даже нескольких, был и его протообраз. Как и Кошкарёв, Огарёв тоже пытался и тоже безуспешно провести реформы в своём хозяйстве, ориентируясь на европейский опыт. Кроме того, и собрания кружка Герцена-Огарёва проводились именно *в доме Огарёва*.

Почему же гениальный сотрудник Кошкарёва не представлен воочию? Видимо, потому, что знакомство Гоголя с Герценом, которое казалось неизбежным, так и не произошло. Случись иначе, маршрут Чичикова во втором томе был бы несколько иным.

В 1842 году – в год выхода «Мертвых душ» – они чуть было не встретились, но разминулись: Гоголь уехал из Москвы 23 мая, а вскоре, в июле, Герцен вернулся из новгородской ссылки. Это было бы оптимальное время для их сближения, равно как и место: в начале 40-х московская интеллектуальная среда напминала большой дискуссионный клуб, где горячо обсуждались исторические стратегии отечественного бытия, и Герцен стал сердцем этих дискуссий, жадно и живо воспринимая доводы обеих сторон, чем вызывал неудовольствие у своих бескомпромиссных товарищей.

В 1847 году – в год выхода «Выбранных мест из переписки с друзьями» – возникла новая вероятность их встречи, на этот раз где-нибудь за границей, скорее в Париже или Риме. По крайней мере, работая над продолжением «Мертвых душ», Гоголь очень не прочь был бы увидеться со своим персонажем. Узнав, что Герцен в Париже, Гоголь из Остенде отвечает П. В. Анненкову 7 ноября 1847 года, известившему его об этом:

Я слышал о нём очень много хорошего. О нём люди *всех партий* отзываются как о благороднейшем человеке. Это лучшая репутация в нынешнее время. Когда буду в Москве, познакомлюсь с ним непременно, а покуда известите меня, что он делает, что его более занимает и что <является> предметом его наблюдений [XIII: 385].

Через некоторое время, узнав от А. А. Иванова, что Герцен в Риме, Гоголь, уже из Неаполя, пишет почти то же (о его благородстве) и просит о том же (рассказать о его занятиях, интересах и взглядах) [XIII: 408]. Оба письма содержат краткую информацию о личности Герцена, указывающую, что именно хотел бы узнать и уточнить автор: каковы черты характера и гражданская позиция этого человека – именно то, что необходимо, чтобы определить его функцию и место в поэме. Собственно, эта степень авторской осведомлённости и отразилась в образе «решительного гения»: репутация, интеллект и европейская ориентация.

Визуальное отсутствие этого персонажа компенсируется его виртуальным присутствием – в виде *текста*, написанного им по поручению Кошкарёва. Этот документ замечателен во многих отношениях. Кроме того, что это пародия на европейский канцелярит, он характеризует, во-первых, секретаря, подготовившего эту «бумагу», во-вторых, начальника, пришедшего от неё в восторг, и, в-третьих, Чичикова, пришедшего от неё в ужас.

Отношение Гоголя к бумажному делопроизводству вполне вразумительно высказано в «Выбранных местах», где он советует своему знакомому, «занимающему важное место», не заводить «громоздкую канцелярию», а общаться с чиновниками «самолично» – «без всяких секретарей и мёртвой бумажной переписки» [VIII: 358]. В поэме это отношение выражено в бегстве главного героя, «мимо всяких приличий» [VII: 66], от канцелярщины кошкарёвского хозяйства, что означает для столь обходительного господина высочайшую степень негодования. Но это также должно означать, что таким же было отношение Гоголя к сочинениям Герцена.

В поэме текст «гения» представлен двумя пунктами – «во-первых» и «во-вторых». В первом говорится о неправомерности называть ревизские души умершими, «ибо душа бессмертна», а во втором сообщается, что, впрочем, и бессмертных душ, каких можно было бы продать, в имении не имеется. Что здесь от Герцена? Но что-то же должно быть! Значит, нужно обратиться к частностям.

В первом содержится шпилька в адрес Чичикова, на что с удовольствием указывает Кошкарёв: «Тут он немножко кольнул вас» [VII: 66]. Помня, что Чичиков – это художественная проекция самого Гоголя, припоминаем, писал ли Герцен о нём что-либо болезненно острое.

Известно, что о «Мертвых душах» он отзывался положительно – понимал глубоко и оценивал высоко. Но потом были «Выбранные места». И вот о них, в самом деле, Герцен высказывался резко, и Гоголь был об этом осведомлён. Например, А. А. Иванов писал ему в 1847 году, что Герцен в Риме и «сильно вос-

стаёт» против его книги¹. Был ли Гоголь этим задет? По-видимому, да, и очень, если это отмечают мемуаристы – М. С. Щепкин и И. С. Тургенев, вспоминая как, заговорив о Герцене, Гоголь «вдруг побледнел, всё лицо его искривилось какою-то злою улыбкой» [Максимович, Гиппиус, Морачевский, 1936: 146], и он стал говорить «внезапно изменившимся, торопливым голосом»²:

Почему Герцен позволяет себе оскорблять меня своими выходками в иностранных журналах? [Максимович, Гиппиус, Морачевский, 1936: 146].

Что я сделал Герцену! он [срамит] унижает меня перед потомством [Максимович, Гиппиус, Морачевский, 1936: 147].

С какой же стати упрекать меня в измене, в отступничестве <...> Меня?³

Гнев был вызван вышедшей во Франции книгой Герцена «О развитии революционных идей в России» (1851 год), выписки из которой были высланы Гоголю М. С. Скуридиным. Некоторые из них, действительно, остры и болезненны, например:

Page 107. Gogol, l'idole des lecteurs russes, tomba tout-à-coup dans le plus profond mépris pour une brochure servile... On ne pardonne pas en Russie à un renégat.

[Гоголь, кумир русских читателей, возбудил глубочайшее презрение к себе за раболепную брошюру... В России не прощают отступнику] [Скуридин, 1936: 134, 136].

Что Гоголь мог на это ответить? Только предъявить второй том «Мертвых душ». Так он и отвечал, судя по воспоминаниям П. К.:

Гоголь объяснил тогда, что он считает священным долгом продолжать «Мертвые души», чтобы опровергнуть клевету [Максимович, Гиппиус, Морачевский, 1936: 147].

Второй пункт документа, составленного гением бюрократии, предполагает такое же внимательное прочтение, как и первый. К этому побуждают и уже раскрытые подтексты, и ещё скрытые, но явно дразнящие своей квазиотчётностью. Для чего читателю эти подробности: название деревеньки, фамилия какого-то помещика, номер журнала?.. Не иначе как для того, чтобы разгадать и эту загадку.

Во II-х, никаких незаложенных, не только близких к смерти, но и всяких прочих, по имению не имеется, ибо все в совокупности не токмо заложены без изъятия, но и перезаложены, с прибавкой по полтора рубля на душу, кроме небольшой деревни Гурмайловки, находящейся в спорном положении по случаю тяжбы с помещиком Предищевым и вследствие того под запрещением, о чём объявлено в 42 номере «Московских Ведомостей» [VII: 66].

Предположив, что и во второй части документа речь идёт о том же прототипе, что и в первой, последуем по указанной ссылке и увидим, что она ведёт к статье, а вернее сказать, рецензии Герцена, опубликованной 27 ноября 1843 года в газете «Московские Ведомости», только не в 42-м номере, это было бы слишком уж просто, а в 142-м, и, как отметил автор, «сделала эффект»⁴.

¹ Гоголь Н. В. Переписка: В 2 т. М., 1988. Т. 1. С. 475.

² Тургенев И. С. Гоголь // Н. В. Гоголь в воспоминаниях современников. М., 1952. С. 534.

³ Там же.

⁴ Герцен А. И. Дневник 1842–1845 // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 318.

Чем же так замечательна эта статья-рецензия, если она попала в поле внимания Гоголя и в ассоциативное поле его поэмы? Поскольку рецензия – это тоже отсылка, то, может быть, причина дальше – в том, к чему она отсылает? Отсылает же она к весьма примечательному общественному *событию* (как считал не только Герцен, но и такой сдержанный в оценках эксперт, как П. Я. Чаадаев¹) – к публичным лекциям в Московском университете, которые читал 30-летний историк Т. Н. Грановский. Чтобы публика осознала, чем же замечательны эти лекции, и понадобилось объяснение, которое даёт Герцен:

В самом событии этого курса есть что-то чрезвычайно поэтическое: в то время, когда трудный вопрос об истинном отношении западной цивилизации к нашему историческому развитию занимает всех мыслящих и разрешается противоположно, является один из молодых преподавателей нашего университета на кафедре, чтоб передать живым словом историю того оконченного отдела судеб мира германокатолического, которого самобытно развивающаяся Россия не имела².

По существу, это был идеологический прорыв, публичный манифест западной ориентации, на что не могли не отреагировать их идейные противники, и прежде всего – журнал «Москвитянин» и его соредактор Шевырев, тоже историк и тоже слушавший лекции в Европе, и не только в Берлине, как Грановский, но и в Мюнхене, Париже, Лондоне, Риме, кто был членом заграничных и художественных обществ, но тем не менее и приверженцем национальной самобытности.

Естественно, Грановский должен был видеть в Шевырёве своего основного оппонента – это подтверждают его частые полемические атаки, о которых он сообщал приятелю («Шевырёва я уже несколько раз выводил на сцену...») и перечислял, по каким поводам были эти выпады [Гаврилов, 2016: 272].

Шевырёв, конечно, отвечал. Причём зеркально. В ответ на статью Герцена – «Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург)» – он пишет статью с почти таким же названием, но с полемически иной адресацией: «Публичные лекции по истории средних веков г. Грановского. Письмо в губернию»; а в ответ на курс Грановского, прочитанный в 1843–1844 годах, читает в 1844–1845 годах аналогичный свой, только не о западноевропейском, а о русском Средневековье. И снова аншлаг, аплодисменты, амбиции. Оценки слушателей, естественно, разделились, тестируя состав русского общества и подтверждая значимость события.

Ситуация, как видим, не частная, а очень даже знаменательная, соединившая сразу несколько фигур из разных лагерей вокруг темы, бросающей на них исторический отсвет. Чем не иллюстративный материал для главы, где показано противостояние славянофилов и западников? Оттого и упомянута в отчёте, составленном для Чичикова, *тяжба* и названы её оппоненты – **Гурмайловка (Грановский)** и **Преищев (Шевырев)**. Почему «Гурмайловка», а не «Гурмайловский»? Должно быть, это указание на кружок Грановского, куда некоторое время входили и Герцен с Огарёвым. «Спорное положение» деревни Гурмайловки, по-видимому, должно означать, что в представлении Гоголя Грановский

¹ Там же. С. 316.

² Герцен А. И. Публичные чтения г. Грановского (Письмо в Петербург) // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 2. С. 111.

занимал промежуточное положение между западниками и славянофилами, вопреки бытующему мнению, что Грановский – последовательный западник и единомышленник Герцена и Огарёва.

Разумеется, Гоголь хорошо знал ситуацию вокруг лекций Грановского и Шевырёва, будучи хорошо знаком с обоими. Так, в письме Н. М. Языкову 8 января 1836 года он пишет:

Я порадовался тому, что Шевырёв готовится к печати свои лекции, которых я жду с нетерпением <...> [XIII: 29].

Писать с натуры, чтобы выразить натуру как она есть, явить её «существо», – в этом и заключалось искусство «натуральной школы», как его преподавал Гоголь. Естественно, что в таком творчестве выражается натура и самого «натуралиста» – реальная жизнь реального автора, и это обстоятельство становится стимулом его самосовершенствования, поскольку, по Гоголю, постижение человеческой натуры открывается в перспективе её преобразования, и художник, чтобы неложно и ответственно изображать эти открытия, должен иметь соответствующий опыт.

Литература

Виноградов И. А. Поэма «Мертвые души»: проблемы истолкования // Гоголевский вестник. М., 2007. С.99–220.

Гаврилов И. Б. Степан Петрович Шевырёв о «русском воззрении» // Христианское чтение. 2016. № 1. С. 229–289.

Максимович А., Гиппиус В., Морачевский Н. Примечания // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 139–150.

Скуридин М. С. Письмо Гоголю Н. В. (13.IX.1851) // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. М.; Л., 1936. Т. 1. С. 133–138.